

УДК 32.01: 303

Н.А. Антанович

ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Цель статьи – выявить и проанализировать закономерности политической сферы, реализующиеся на среднем уровне абстрактности. Выявление закономерностей политической сферы связано с формулированием теорий среднего уровня, которые являются средством упорядочения эмпирических данных, формулируют поддающиеся проверке гипотезы. Автором выделено несколько групп закономерностей: во-первых, закономерности, описывающие эффекты функционирования политических институтов; во-вторых, закономерности функционирования политических процессов в заданных условиях; в-третьих, закономерности изменений и конфликтов в политических системах.

Научное познание нацелено на выявление законов и тенденций изучаемого объекта. По поводу существования законов общественного развития ученые спорят, доходя до открытого противостояния. В марксистской теории заложены принципы детерминизма в анализе политики, основанные на признании универсальных необходимых, устойчивых причинно-следственных связей в серии исторических событий. *Закон соответствия производительных сил и производственных отношений* отражает динамику смены общественно-экономических формаций на протяжении всей человеческой истории. Другая позиция построена на отрицании жестких «железных» законов политики, имеющих универсальный и всеобщий характер. Признается возможность выявить *тенденции, закономерности* социально-политической сферы, имеющие ситуативный характер. Цель данной статьи – выявить и проанализировать закономерности политической сферы, реализующиеся на *среднем уровне абстрактности*.

Проблемы повторяемости в политике, причинно-следственных связей между политическими феноменами интересовали мыслителей с древности. Так, Аристотель выделил «правильные» и «неправильные» формы государства и показал закономерности их формирования и устройства. Макиавелли в работе «Государь» вывел правила эффективной власти, основываясь на понимании ситуативной природы политики. Монтескье пытался установить зависимость формы правления от территории государства. В. Парето показал особенности циркуляции элит. Р. Михельс вывел закон антидемократической олигархизации массовых партий. Паркинсон – законы бюрократизации. М. Дюверже – теоремы взаимообусловленности партийной и избирательной систем. Г. Алмонд показал связь институциональной организации политической системы с доминирующим типом политической культуры. Зависимость темпов политических изменений и модернизации от уровня индустриально-технологического и экономического развития показаны Д. Аптером, С. Хантингтоном, С. Липсетом. Американский политолог Д. Сиринг указал на некоторые закономерности политической социализации: чем выше уровень политического участия, тем сильнее поддержка обществом политических правил игры в нем; основными социальными силами, подкрепляющими существующие политические нормы и процедуры, являются (по возрастающей): общественное мнение в целом, общественные активисты, кандидаты на выборные должности, члены парламента; существует прямая связь между поддержкой политических институтов и сохранением социально-экономического статус-кво [1, p. 341–345].

Поппер приводил ряд примеров закономерностей социально-политической сферы: «Нельзя вводить тарифы на сельскохозяйственную продукцию и в то же время снижать

стоимость жизни»; «в индустриальном обществе группы давления потребителей невозможно организовать так же эффективно, как группы давления производителей»; «не бывает общества с централизованным планированием и системой цен, функционирующих как рыночные»; «полная занятость без инфляции невозможна». Можно привести и другие примеры, из области политики: «Невозможно осуществить политическую реформу и избежать при этом последствий, нежелательных с точки зрения конечных целей реформы»; «нельзя осуществить революцию, не вызывая реакции» [2, с. 25–26].

Итак, знание закономерностей политики формулируется в виде высказывания типа: «Если будут определенные условия и совместные интересы, то...». Такая формулировка отражает ситуативный характер политики, позволяет объяснять и прогнозировать реальные политические процессы. В фундаментальном труде «Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза» под редакцией Стейна Угелвика Ларсена прослеживается теснейшая связь между теорией в политической науке и закономерностями политической сферы. Теории среднего уровня являются средством упорядочения эмпирических данных, формулируют поддающиеся проверке предположения (гипотезы), связаны с выявлением закономерностей политической сферы [3, с. 11].

Выделим, в первую очередь, закономерности, описывающие *эффекты функционирования политических институтов*. С. Липсет и С. Роккан сформулировали «теорию отвердения», объясняющую функционирование партийных систем. «Партийные системы 1960-х... отражают структуру расколов 1920-х гг. Это важнейшая характеристика соревновательной политики Запада в эпоху «расцвета массового потребления»: партийные организации старше, чем большинство национальных электоратов» [3, с. 55]. Названная теория опирается на тезис о стабильной связи между социальными расколами и партийными предпочтениями индивидов. Учитываются три фактора: участники, институты и социальная структура. Политические партии и элитарные группировки должны избирать стратегии, укладывающиеся в рамки сложившихся институциональных возможностей. А социальная структура (точнее, социальные расколы) накладывают ограничения на те проблемы, которые могут быть политизированы теми или иными элитарными группировками («Партийные системы и расстановка сил при голосовании», 1967). «Теорией отвердения» объясняется «исключительная стабильность» европейской политики даже после кризисов и катастроф, последовавших за разрушениями, вызванными фашизмом/нацизмом.

Закономерности формирования партийных коалиций изучены У. Райкером. У. Райкер исходил из принципа *размера коалиции*: в ситуациях, подобных играм с нулевым исходом, участники образуют коалиции как раз такого размера, какой они считают достаточным для победы, но не больше. Закономерность применима к ситуациям как минимум с тремя игроками, которые будут создавать минимальные выигрышные коалиции («Теория политических коалиций», 1962). Райкер утверждал, что сами партии также можно рассматривать как коалиции, стремящиеся завоевать лишь минимум необходимых для победы голосов.

Вторая группа закономерностей иллюстрирует *функционирование политических механизмов в заданных условиях*. На основе анализа электорального поведения были выявлены закономерности «*воронки причинности*»: количество релевантных причин превосходит количество релевантных следствий. Результатом этого является эффект конвергенции факторов, влияющих на электоральное поведение [3, с. 165]. А. Кемпбелл, П. Конверс, У. Миллер, Д. Стоукс – авторы работы «Американский избиратель» (1960) – использовали выражение «воронка причинности» как метафору для объяснения множества факторов, которые воздействуют на индивида в его электоральном выборе. Ось воронки причинности представляет временное измерение, а вот факторы, влияющие на ис-

ход выборов, находятся в причинной последовательности и сходятся у конца воронки. Базовыми являются такие факторы, как экономические структуры, социальные границы, исторические модели. Далее по оси следуют ценностные ориентации, политическая ориентация, на периферии воронки – принадлежность к группе, влияние друзей, влияние СМИ, оценка лидерства. На выходе воронки – экономические и политические условия, точки зрения на текущие проблемы. Факторы, в наибольшей степени влияющие на исход конкретных выборов, называются «когнитивно политизированными». Воронка причинности демонстрирует возрастающую значимость различных факторов, влияющих на политическое поведение человека. В «Новом американском избирателе» (1996) У. Миллер и Дж. Шанкс выделили следующую последовательность воронки причинности вдоль временной оси: «стабильные социально-экономические характеристики; долговременная партийная идентификация; склонности к политике; предпочтения по текущим политическим вопросам; ретроспективные оценки находящегося у власти президента по результатам управления; оценки личных качеств кандидатов; перспективные оценки будущей эффективности партий и их кандидатов» [4, p. 190].

Парадоксы индивидуального рационального выбора в сравнении с коллективным демонстрирует «дилемма заключенного». М. Фладд и М. Дрешнер, демонстрируя «дилемму заключенного», писали следующее: «Игрокам в игре с непостоянной суммой случается выбирать не очень выгодное решение... несмотря на то, что в конкретной партии в рамках формальных правил некоалиционной игры два субъекта могли бы принять принцип сотрудничества, они этого не делают... На основании данного эксперимента можно выдвинуть гипотезу, согласно которой люди имеют склонность начинать игру в ситуации равновесия, а затем пытаются найти равновесие лучше» [5, p. 12, 14].

«Дилемма заключенного» использовалась для оценки поведения индивидов в условиях роста социальных расходов и укрепления государства благосостояния, оценки эффективности членства в профсоюзе, оценки соглашений о разоружении между СССР и США. На ее основе разработана теория «домино», ставшая основой «политики сдерживания» США по отношению к СССР. Согласно теории «домино», захват коммунистами власти во Вьетнаме мог привести к осуществлению такого же сценария в соседних странах. Теория «домино» является не просто политической теорией, а *частью реальной политики*, но при этом опирается на концепцию рационального выбора и «дилемму заключенного». Решение о введении войск США во Вьетнам принималось, в том числе, на основе учета названных теорий. В качестве ключевых факторов учитывались силы оппозиционных групп в странах, на которые должна быть направлена «политика сдерживания». После Вьетнамской войны теория «домино» использовалась для оправдания американской поддержки движения «контрас» в Никарагуа для предотвращения советского и кубинского влияния на весь американский континент.

Политические процессы могут иметь и незапланированные, неожиданные результаты. Такие процессы представляют особый интерес для политологического анализа. В частности, Г. Саймон показал, что публикация результатов опросов влияет на электоральные ожидания, а следовательно, на электоральное поведение и выбор избирателей. Саймон выявил «*эффект фургона с оркестром*» и «*эффект неудачника*» (эффект предсказания), которые демонстрируют механизмы, влияющие на электоральную конкуренцию. «Если люди с большей вероятностью проголосуют за кандидата, тогда, когда ожидают, что он победит, то имеет место эффект «фургона с оркестром», в противоположном случае мы имеем дело с эффектом «неудачника»» [6, p. 79–80].

Л. Питер эмпирическим способом вывел *закономерность взаимосвязи карьерного роста с упадком организаций*: в иерархии каждый работник имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности. «Некомпетентные работники остаются на должностях, с которыми они не справляются, в то время как компетентные продвигаются, пока не

достигают соответствующего уровня некомпетентности» [3, с. 301]. Л. Питер вывел описанную закономерность на основе анализа организаций в сфере образования.

Э. Даунс сформулировал *теорему медианного избирателя*, которая гласит: соревнование в двухпартийной системе заставляет партии идеологически сближаться в их стремлении завоевать решающих избирателей среднего уровня, т.е. тех, чьи воззрения помещают их между двумя партиями. Центр становится все меньше и меньше, поскольку обе партии становятся почти идентичными в своих платформах и действиях [7, р. 116–117]. В работе «Экономическая теория демократии» (1957) Даунс акцентировал внимание на анализе деятельности правительства (или победившей партии) в связи с электоральным поведением или общественным мнением. Даунс исходил из аксиом о том, что единственный интерес политических представителей – быть переизбранными и что электоральные решения мотивированы эгоистической выгодой избирателя. Соревнуясь за голоса, партии будут стремиться занять в политическом спектре места поближе друг к другу, т.е. в центре предпочтений избирателей. Даунс сформулировал ряд утверждений относительно природы партийного соперничества: 1) члены партии руководствуются не идеалами, а стремлением получить выгоду, занять пост; 2) пытаются максимально увеличить число голосов, *партии борются за центр*, что в итоге приводит к сближению их партийных программ; 3) *демократические правительства стремятся максимизировать число своих сторонников* путем перераспределения доходов. Идеологии, социальное благосостояние, не являются непосредственными и основными мотивами поведения. Эти факторы включены в поведение, но непрямым путем. Ретроспективные представления о правительстве и идеология выступают факторами снижения затрат от акта голосования.

Шведский ученый Г. Тингстен сформулировал *закон тяготения к социальному центру*: электоральное участие в пределах группы возрастает вместе с ее относительной силой в избирательном округе. Согласно Тингстену, политическое поведение связано с относительным преобладанием социального класса в определенном округе, а участие социальной группы повышается вместе с этим относительным преобладанием. Вывод: с возрастанием преобладания социального класса в округе его выбор относительно политической силы (партии) становится все более однородным («Политическое поведение», 1937).

Третья группа закономерностей нацелена на объяснение *изменений и конфликтов в политических системах*. Дж. Дэвис открыл закономерность, согласно которой, *революции чаще всего происходят, когда люди испытывают внезапное ухудшение жизни после стабильного периода улучшения* («Человеческая природа и политика», 1963), «Когда и почему люди поднимают восстания», 1971). Джеймс Дэвис утверждал, что «революции с наибольшей вероятностью происходят тогда, когда длительный период реального экономического и социального развития сменяется кратким периодом резкого спада. Реальное состояние социально-экономического развития при этом менее важно, чем всеобщие ожидания того, что недавний прогресс, ныне остановившийся, может и должен продолжаться в будущем» [8, с. 371]. Теория революции Дэвиса строится на большом разрыве между ожиданиями и реальными ощущениями от действительности. Отправной точкой напряженности являются экономико-политические проблемы.

В оригинальной *теории массового общества* В. Корнхаузером определены последствия распада организационной структуры общества: «Общество является «массовым обществом» в том смысле, что элиты и не-элиты легко достигаемы друг для друга из-за слабости групп населения, способных быть связующим звеном между ними» [3, с. 388]. Ключевая переменная у Корнхаузера – уязвимость социальных систем перед массовыми политическими движениями. В книге «Политика массового общества»

(1959) Корнхаузер утверждал, что массовые движения опираются на все классы общества и что тоталитарные движения являются скорее массовыми, чем классовыми. В условиях массового общества массы легко мобилизуемы, а элиты легко доступны по причине недостатка промежуточных организаций между ними и устоявшихся норм взаимодействия. Демократизация и сила массовых движений в индустриальных обществах не всегда связаны между собой. Урбанизация также не всегда приводит к росту массовых движений (пример – мегаполисы стран «третьего мира»). Социальная изоляция повышает вероятность появления экстремизма. Снижение социального взаимодействия в рамках различных классов создает основы для массовых движений.

Проблема смены власти и передачи властных полномочий, а также конфликта между представительной и административно-бюрократической властями отличается в политическом процессе повышенной актуальностью. Кнут Якобсен создал *теорию передачи властных полномочий в демократической системе*. Ее основной вывод заключается в следующем: между демократическими и бюрократическими институтами проявляются разногласия и соперничество. Бюрократия стремится расширить свое влияние в области экспертного знания и регламентации, а выборные государственные органы – в области национального волеизъявления и представительства. К. Якобсен следующим образом формулировал свой закон «централизации и децентрализации»: когда в обществе есть общность ценностей, бюрократия будет закономерно разрастаться, а если в обществе существует множество противоречивых ценностей и в особенности когда новые ценности заявляют о себе и получают представительство в парламенте, будет усиливаться роль парламентов, которые будут стремиться получить контроль над государственной бюрократией [3, с. 413]. Якобсен считал, что политическая власть в демократических обществах при столкновении ценностей концентрируется в институтах властной элиты и стремится к централизации. Бюрократия ставится под политический контроль. Оппозиционные силы стремятся сосредоточить свое влияние в парламентах, превращая их в проводников своих интересов. Когда противоречия ценностей сглаживаются, то власть перераспределяется от политических к бюрократическим институтам. Этот процесс Якобсен трактовал как децентрализацию.

Среди теорий, объясняющих социально-политические конфликты, следует особо выделить теорию *перекрестного давления* (Г. Алмонд, Л. Козер, А. Лейпхарт, С. Липсет) которая гласит, что перекрестные, а не параллельные линии социального конфликта, основанные на частично совпадающем и перекрестном членстве в организациях, приводят к стабилизации и политической умеренности. Совпадающие линии конфликта способствуют политическому противостоянию и нестабильности. Перекрестное или частично совпадающее членство в организациях означает, что индивиды являются участниками более чем одной организации и подвержены воздействию индивидов, придерживающихся иных взглядов. С. Липсет называл теорию перекрестного давления (теорию перекрестных линий конфликта) ключевой для политологии.

Большое значение в социальных науках для понимания устройства и функционирования политических институтов имеет *организационная теория*. Наличие политической организации влечет за собой строго заданные результаты, проявляющиеся в процессе ее функционирования. Среди подобных законов в первую очередь следует выделить *железный закон олигархизации* Р. Михельса. Олигархические тенденции в организациях зависят от статусного неравенства в обществе. В обществах, с высокой степенью неравенства вероятность возникновения олигархии выше, чем в тех, которые отличаются эгалитарной статусной структурой. Олигархизация есть функция статусного неравенства. Михельс выделил несколько причин олигархизации общества: «Эти тенденции лежат в сущности: 1) человеческой природы, 2) политической борьбы и 3) организаций. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию». Узкая специа-

лизация в управлении, препятствует контролю за управляющими. Психологические свойства массы (политическая индифферентность, стремление к подчинению сильной власти, чувство благодарности вождю) позволяют вождю навязывать свою волю подвластным. Элитарность является атрибутом общества и его отдельных институтов. Они элитарны в силу факта наличия в них организационной структуры. Согласно выявленной тенденции организация порождает доминирование избранных над избирателями. «Общество не может существовать без господствующего или политического класса, хотя его элементы подвергаются обновлению». Наличие этого класса – «постоянно действующий фактор социальной эволюции» [9].

Еще одним законом, раскрывающим механизмы функционирования организации, является закон С. Паркинсона об увеличении работы и занятости в бюрократических организациях: *объем работы возрастает в той мере, в какой это необходимо, чтобы занять время, выделенное на ее выполнение*. Хотя закон был представлен в сатирической форме, статья «Закон Паркинсона, или растущая пирамида» (1954) включена в сборники классических работ по государственному управлению. Идея Паркинсона заключается в том, что существует устойчивый ежегодный процентный рост соотношения между административным штатом и числом занятых в производственной деятельности. Увеличение штата происходит из-за двух факторов в администрировании: 1) служащий стремится увеличить число подчиненных, а не конкурентов; 2) административный персонал создает работу друг для друга. Любой руководитель нуждается как минимум в двух подчиненных (чтобы разделить работу между ними) [10].

Закон организационных изменений – о формировании, выживании и изменении организаций – был сформулирован А. Стинчкомбом в работе «Руководство организациями» (1965). Стинчкомб исходил из того, что социальная структура, сформировавшаяся в определенный исторический период, влияет на формы организаций этого же периода. Структурные характеристики организации являются устойчивыми на протяжении длительного времени. Неудачу терпит большая доля *новых* организаций по сравнению с возникшими ранее. Закон организационных изменений включает следующие положения: исторический контекст является определяющим в случае формирования новых организаций; по стабильности старые организации являются самыми устойчивыми; по способности выживания новые маленькие организации терпят неудачу чаще других [3, с. 525].

После второй мировой войны О. Киркхаймер выдвинул *гипотезу о «всеохватных партиях»* (партиях с очень высоким уровнем членства, которые становятся сходными между собой). Киркхаймер утверждал, что массовые интегрированные партии, которые появились в довоенный период во многих западноевропейских странах, стали преобразовываться во «всеохватные партии». По-другому он называл эти партии «народными». Киркхаймер утверждал, что послевоенная Европа характеризуется широким принятием всеми политическими партиями основного принципа демократической конкуренции (законов политического рынка). У массовых партий, основанных на классовой принадлежности, возникла необходимость в более широком консенсусе в рамках политической системы. Возникновение «всеохватных» партий является следствием партийного руководства максимизировать голоса, получаемые на выборах [3, с. 540].

Эмпирическую связь между организационным уровнем и установками партийных функционеров и активистов раскрывает *закон Мэя о структуре взглядов в политических партиях*. Джон Мэй показал, что, с точки зрения межпартийных отношений, высшие лидеры более поляризованы, чем соответствующие нелидеры. Лидеры – это члены центрального комитета партии или исполнительного органа партии, действующие или потенциальные члены правительства (партийные функционеры). Сублидеры – это члены местных исполнительных ассамблей партий (это партийные активисты). Этот промежуточный слой в партии является крайних в установках и взглядах на поли-

тические проблемы. Партии имеют не просто пирамидальную структуру. Это «стратархии», где различные статусные уровни накладываются друг на друга. Мэй ограничивал применимость своего закона к большим и средним партиям, которые открыто участвуют в выборах в условиях демократической политической системы [3, с. 561].

Четвертая группа закономерностей выявлена на основе изучения *циклических процессов* в больших системах. К этому блоку можно отнести закон *циркуляции элит* В. Парето и закономерности электорального цикла. В. Нордхаузом были раскрыты *закономерности экономического электорального цикла*: любое правительство старается улучшить экономическое положение избирателей в целях повышения шансов на собственное переизбрание. Чтобы увеличить возможности своего переизбрания, политические деятели используют инструменты экономической политики, в частности, механизмы «компромисса» между инфляцией и безработицей. Экономические расходы в первой половине электорального цикла сокращаются, а во второй – возрастают. «Модель электорального экономического цикла основана на рационально обоснованном предварительном условии, которое отождествляет экономического и политического человека... Политические партии рассматриваются как производители, политические деятели как поставщики, а избиратели как покупатели. Ожидается, что все участники максимизируют личный интерес, а в результате происходит адаптация как следствие спроса и предложения на политическом рынке» [3, с. 621]. Сущность электорального экономического цикла была раскрыта Нордхаузом и развита в работах Д. Макрэя, А. Вагнера и И. Тафта.

Закон расширения публичной деятельности государства вслед за прогрессом экономики был открыт Адольфом Вагнером. В 1863 г. Вагнер установил закономерность роста государственных расходов в индустриальных странах. В работе «Речи о социальном вопросе» (1872) он показал, что социальная эволюция в индустриальных странах влечет за собой перераспределение ресурсов общества путем постоянно увеличивающегося государственного вмешательства в экономику. В работе «Основы политической экономии» (1876) Вагнер ввел в оборот понятие «государство всеобщего благосостояния». В том период Вагнер работал советником канцлера О. Бисмарка. Идеи Вагнера в дальнейшем использовали С. Пелзман, А. Вилдавски. Хотя они стремились показать и обратную зависимость – экономический рост не всегда приводит к росту государственного сектора.

Чилийские мыслители в 1960-х годах сформулировали *теорию зависимости*, согласно которой противоречия капитализма породили отсталость в периферийных зависимых странах. Излишки экономической деятельности экспроприировались, способствуя экономическому развитию метрополий. Сторонниками этой теории являются А. Франк, Ю. Гальтунг, Р. Пребиш. Пребиш сформулировал политическую стратегию «импортозамещающей индустриализации», чтобы противостоять зависимости («Экономическое развитие Латинской Америки и его принципиальные проблемы», 1950).

И. Валлерстайн сформулировал *закономерности борьбы между государствами за первенство на мировой арене в рамках мир-системы*. Исторические системы, по Валлерстайну, могут существовать в двух основных формах: мини-систем и мир-систем. Мини-системы представляли собой пространственно небольшие, относительно кратковременные культурно-однородные образования. Мини-системы первобытной (досельскохозяйственной) эры были основаны на присваивающей экономике и являлись неустойчивой формой развития. После перехода к производящей экономике появились мир-системы. Мир-системы делятся на мир-империи и мир-экономики. Мир-система – это социальная система, имеющая границы, структуру, правила легитимации и согласованности. Мир-система самодостаточна в своем существовании, это не мировая система, а система, сама являющаяся «миром». *Мир-империи* как тип мир-системы – это широкие политические образования, которые отличались многообразием культурных ко-

дов и которые в периоды экспансии разрушали либо поглощали более слабые минисистемы и мир-экономики. Мир-империи основаны на «извлечении дани» от непосредственных производителей, которая направляется в центр и перераспределяется [11]. Валлерстайн прогнозировал передвижение центра мир-систем с Запада в Азиатско-тихоокеанский регион.

Таким образом, *теории среднего уровня* связаны с выявлением закономерностей политической сферы. На наш взгляд, именно эти теории и являются несущей конструкцией политической науки, поскольку формулируют закономерности политической сферы в причинно-следственных терминах применительно к стандартным ситуациям и условиям. Научное знание, движимое поиском ответов на вновь возникающие вопросы, динамично развивается, выявляя причинно-следственные связи и устанавливая закономерности динамичного мира политики. Политическая наука отличается постоянным «состоянием беспокойства», предохраняющим ее от легкого принятия предшествующих открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Searing, D. A Theory of Political Socialization: Institutional Support and Deradicalization in Britain / D. Searing // *British Journal of Political Science*. – 1986. – Vol. 16 (3). – P. 341–376.
2. Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К.Р. Поппер // *Вопросы философии*. – 1992. – № 9. – С. 22–49.
3. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; пер. с англ. Е.А. Жуковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 751 с.
4. Miller, W.E. The New American Voter / W.E. Miller, J.M. Shanks. – Cambridge, Mass, 1996. – 640 p.
5. Flood, M.M. Some Experimental Games / M.Flood // *Management Science*. – 1959. – Vol. 5. – P.5–26.
6. Simon, H.A. Administrative Behavior: a study of decision-making processes in administrative organizations / H.A. Simon. – New York, Free Press, 1997. – 368 p.
7. Downs, A. An Economic Theory of Democracy/ A.Downs. – New York, 1957. – 310 p.
8. Davies, J.C. Toward a Theory of Revolution / J.C. Davies // *American Sociological Review*, 1962. – Vol. 27. – P. 5–19.
9. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии // *Виртуальный учеб.-метод. комплекс [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://virmk.narod.ru/U-DISCIPLINA/U-posob/Mixels.htm> – Дата доступа: 27.12.2009.
10. Паркинсон, С.Н. Законы Паркинсона : сборник / С.Н. Паркинсон; пер. с англ. Н.Е. Макаровой. – Минск : Фирма «Соврем. литератор», 2002. – 397 с.
11. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Сборник / И. Валлерстайн; пер. с англ. П.М. Кудюкина.– СПб. : Унив. кн., 2001. – 414 с.

Antanovich N.A. Middle Range Theories and the Tendencies of Political Sphere

The aim of the article is to identify and analyze the tendencies of the political sphere, realized at an middle range of abstraction. Identification of patterns of the political sphere is connected with the formulation of theories of the middle range, which are a means of ordering the empirical data, formulate verifiable hypothesis. The author has identified several groups of patterns, in the first place, regularities that describe the effects of the functioning of political institutions, and secondly, the tendencies of the functioning of political processes in the given conditions, and thirdly, the tendencies of change and conflict in political systems.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.03.2011